

БЫВШИЙ.

Сорветь твое сердце

А Н Я В Ъ Ё Р И

Аня Вьёри

Бывший. Согреть твоё сердце

«Автор»

2026

Вьёри А.

Бывший. Согреть твое сердце / А. Вьёри — «Автор», 2026

В моем доме незваный гость! Ни я, ни он не понимаем, как он сюда попал. Я хочу лишь одного, чтобы он быстрее отсюда убрался. Он почему-то медлит. И рада ситуации лишь моя дочь. Наша с ним дочь.— Сейчас все поправлю, -- морщусь, убирая мокрое, -- Извини, Лялька решила, что ты грабитель. Прости уж мою дочь. И тут Женька резко дергается.-- Как ты сказала? Дочь?

© Вьёри А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Аня Вьёри

БЫВШИЙ. Согреть твое сердце

Глава 1

Катя

– Быстрее, Ляля! В дом! Давай! Раздевайся!

Тороплю дочь неспроста! Козьявка моя шустрая умудрилась нырнуть в сугроб! Нырнуть! Полностью! С головой!

На спор, конечно!

Авантюристка! И упрямица. Вся в отца! Тот тоже если поставил себе цель, то с пути его даже трактором не сдвинешь!

Ну, в общем, с сугробами в деревне проблем нет, поэтому спор моя снежинка выиграла! Заработала жвачку. Молодец! Теперь, главное, не заработать пневмонию!

– Одежду на пол бросай и в ванную! Под горячий душ! Немедленно!

Она сопит, фырчит, но не спорит.

С деловым видом, поджимая губки, стягивает с себя абсолютно мокрую куртку, скидывает сапожки...

– Ой! Мам!

Замирает моя кроха посреди большой проходной комнаты.

– Ну что? – ворчу, не глядя.

Я тут вещи выворачиваю и сушиться раскладываю... То, что реально высушить.

– Бегом под душ! – рявкаю.

– Тут дядя какой-то!

В смысле?

Это что?

Это как?

Мужчина? В нашем доме?!

Не, я понимаю, что в нашей деревне двери на запираются, но... Без спроса чужой в пустой дом не зайдет!

Быстро подхожу к дивану...

Так и есть!

Совершенно неподвижное тело лежит на нашем диване, натянув на голову плед, и храпит!

Громко, раскатисто, заливисто! Как может храпеть только в доску пьяный мужик.

Боже! Кто же это?

Колька? Нет! Он же только вот дорогу трактором чистил. Пытался, по крайней мере.

Сереге? Он шире раза в два.

Юрка? Если Юрка, то его Ленка меня убьет! Она жуть какая ревнивая!

И вообще!

Почему это тело решило отсыпаться именно на моем диване?

– Эй! – толкаю мужика в бок. – Э-эй! Вставай!

– Мр-мн-м-м-мо-о-у-у-убр-р-р-р, – слышу откуда-то из-под подушек.

– Вставай, тебе говорю! – резко дергаю мужика за плечо.

– Бгвррди! – отмахивается от меня мужик и еще плотнее закутывается в мой красивый плед со снеговичками.

– Да что ж это такое! – злюсь я. – А ну отдай! – тяну на себя край дешевого флисового покрывала. – Отдай, тебе говорят!

Я почти справилась!

Он почти повернулся!

Как вдруг.

– Па-асторонись! – орет из-за спины моя разбойница.

Я на инстинктах отпрыгиваю!

На мужика тут же выливается полная кастрюля воды, а рядом замирает совершенно счастливая Лялька.

– А-а-а-а!!! – орет он громким басом, отмахивается, поворачивается и...

– Танька! – орет, не разлепляя глаз. – Вот дал же бог сестру, – сонно переползает на сухое, машинально утирается все тем же пледиком.

– Мам, еще водички? – моя Лялька явно вошла во вкус.

– Не, – ошалело кручу головой я. – Иди в душ...

Больше ничего внятного сказать не могу. И объяснить ничего не могу. И понять ничего не могу.

Вот разве что...

Я знаю, кто такая Танька. Она действительно его сестра. И у них действительно есть деревенский дом. Был, когда я с ней общалась...

А это...

Это на диване передо мной Лялькин отец...

.

Глава 2

Катя

Меня зовут Евдокимова Екатерина.

За глаза – Дуся. Всем понятно почему?

Мне двадцать шесть лет, и я безработная, без образования, зато ж с ребенком...

Это так меня горячо любимые соседки описывают.

Те, кому еще пока не нужен медик.

А остальные вежливо улыбаются и кивают при встрече.

И иногда даже Екатериной Михайловной зовут.

А все дело в том, что с единственным фельдшером на деревне сильно не поспоришь!

Кому у ребенка кашель послушать, кому давление померить, кому от желудка что-то прописать.

Это все ко мне.

Пожаловаться на мужа пьющего, рассказать про соседку злющую, да про невестку дурнющую – это тоже ко мне... Если очереди на прием нет.

Так что я им тут гинеколог, гастроэнтеролог, флеболог, кардиолог и немного психотерапевт.

А вообще-то училась я на педиатра.

Вот так вот банально. Всегда хотела лечить детей.

Да вот не доучилась.

Причина тоже банальна.

Вон она причина, в горячем душе плещется, песни горланит. Коварные планы на будущее строит.

Интересно, а какие планы строил ее отец, когда сюда приперся?

Я пододвинула кресло так, чтобы сидеть напротив дивана, закинула ногу на ногу, скрестила на груди руки и смотрю на него. Думаю.

Пьяным языком буровит, что я – Танька. Совсем ум потерял? Или прикидывается?

Я ж и не знаю, что с ним произошло.

Как на третьем курсе расстались, так и...

Любовь у нас была страстная...

Самая что ни на есть любовная.

Это сейчас я могу немного с иронией об этом говорить, а тогда...

А тогда умирала. Дышать без него отказывалась. Жить не могла, спать не могла.

Это была не химия. Это было просто наваждение. Я летала на крыльях от мысли, что встречу с ним. Пела, думая о нем. Засыпала и просыпалась лишь для него.

Надо отдать ему должное, он мною тоже был поглощен.

Это даже стало сказываться на его учебе.

И, кажется, ему выволочку сделали за это неслабую...

Какая-то там история в его семье была. Та самая Танька, к которой он, как ему сейчас кажется, приехал, лишь грустно качала головой, глядя на меня.

Она тогда пришла и прямо сказала, что ему не дадут быть со мной. Богатая семья. Ему прочили большое будущее.

Но я ж тогда не обратила на это внимания! Я же была счастливая!

И однажды на каникулах даже не сразу поняла, что у меня задержка. Звонила своему любимому, да он трубку не брал.

Набралась наглости и пришла к нему домой.

Когда я захотела встретиться с виновником моей радости, то нарвалась опять все на ту же Татьяну. Она, отводя взгляд, сказала, что Женьки сейчас в Москве нет. А конкретно для меня больше и не будет. Его срочно отправили учиться за границу. Выбили квоту за счет государства для одаренных.

Его действительно выделяли на курсе. Блестящий. Неповторимый. Подающий надежды. Уж не знаю, насколько эти надежды оправдались.

Танька сунула мне в руки письмо, написанное его рукой.

Точно знаю, что его. Обожала его почерк. Круглый, очень разборчивый. Шутила, что не медицинский вовсе.

Он просил прощения за скорый отъезд и писал, что любит меня, но он для науки, а не для отношений.

Так и написал. “Не для отношений”.

У меня оборвалось все внутри. Тогда от отчаяния и чего-то страшного спасло только сердечко, бившееся у меня в районе малого таза.

Акушерский срок поставили уже восемь недель. А сердце у плода бьется с пятой...

У Ляльки у моей уже три недели сердечко билось...

Не могла я... Остановить его не могла.

Замирала, сжав руки на животе, и рыдала...

Он выбрал учебу.

Помню, как целовал меня последний раз страстно. Так, что сердце замирало. Мое. Не дочкино. Поцеловал и ушел, выбрав карьеру...

Ох я и ревела...

Суток трое.

А потом у меня живот затянуло.

Предвыкидыш.

Я в гинекологию попала.

И так страшно стало.

Вот она, со мной. Во мне... У нее уже сердечко бьется, и вдруг...

Не-ет...

Пообещала себе, что сохраню ее во что бы то ни стало!

Перевелась на общую терапию, закончила семестр, потом взяла академ...

Думала, что мама поможет, но она твердо сказала: “Или аборт, или ты мне не дочь!”

Тогда я и поехала в эту деревушку...

Тут папина мама жила. Бабка мне вроде как родная. Но родители столько лет разведены, что я про отца и не знаю уже ничего. А с бабушкой вот, как ни странно, иногда виделись.

Приехала к ней с уже заметным пузом. Она лишь молча кивнула, да на другой день повела меня к нотариусу. Дом на меня отписала. По дарственной.

Когда Ляля родилась, она еще жива была. Даже помогала мне немного. Я уже поняла, что институт не вытяну, перевелась на фельдшера в медучилище, почти все позакрывала институтской зачеткой... И в этой же деревне работать и осталась. Бабушка даже в мой фельдшерский пункт разик приходила. Радовалась.

Умерла бабуля, когда Ляле два было.

Горевала я сильно, хотя она меня за руку держала и говорила, что я сильная, я со всем справлюсь, а она свою миссию выполнила...

С улыбкой умирала.

Похоронила я ее со всеми почестями, да так в этом доме и осталась. Уже пять лет моей Ляльке, и уже четвертый год я тут фельдшер.

Считай, своя. Деревенская.

Только вот этот тут что делает?

– Мам! – раздался громкий крик из старой кладовки, переделанной под ванную. – Мам, принеси полотенце!

Ах черт!

Вечно бросит в спальне.

Дом не маленький. Три комнаты. Моя, Лялькина да большая проходная. Называем ее столовой.

В общем, разбрасывать вещи есть где.

– Иду! – кричу дочери, раздраженно встаю.

Ну так и есть, вон полотенце, на стуле за кроватью.

Беру сразу еще ей и халат, и носки... Возвращаюсь в ванную. Укутываю свою белокурую радость.

Волосы длинные, волнистые. Красивая она вышла. Кто ко мне нормально относится, тот говорит, что вся в меня.

А кто ворчит за спиной, так только и говорят: “В кого это она такая красотка?”

Не обращаю внимания.

Броню я отравила за это время такую, что на любую войну хватит.

Плывать я на всех хотела.

У меня есть дочь! У меня есть дом, работа. У нас все хорошо!

С этими мыслями я выношу ее из ванной, распаренную.

Трусь носом о ее щеки, смеюсь, шучу, чтобы она тоже смеялась.

От пара покрасневшая, довольная моя Лялька...

Выхожу в большую комнату и вдруг слышу ошарашенное:

– А вы кто? А я это где?

Выглядываю из-за плеча дочери.

Ух ты! Проснулся! Быстро же он.

Молодой, крепкий организм.

– Привет, Луконин, – здороваюсь ехидно.

Он дергается, щурится, хмурится...

И словно молнией пораженный, произносит:

– Катя?

.

Глава 3

Катя

– Ой, мама! Дядька проснулся! – с совершенно счастливым видом естествоиспытателя кричит моя дочь.

Точнее, наша с ним дочь.

Хотя нет.

Только моя.

Он ей никто. И она ему...

Луконин морщится от ее звонкого голосочка, а Лялька настойчиво дергает ногами.

Дескать: “Пусти! Я за лупой сбегаю! И набором для опытов!”

– Ляля, к себе! – ставлю ее на пол.

– Ну, мам! – возмущенно и обиженно фыркает моя дочь.

– Нукать на лошадей у дед Севы будешь! Вперед! – подталкиваю ее в нужном направлении. – Разрешаю мультики!

Она, конечно, расстроилась, насупилась, но мультики моя дочь любит почти так же, как перья из хвоста Римкиного петуха выдергивать.

Так что...

Меньше через минуту мы услышали звонкую заставку. Чересчур звонкую, судя по Женькиному лицу.

– Так, теперь ты, – становлюсь перед диваном.

Меня потряхивает от его близости.

Это злость. Ненависть. Ничего другого. Да? Ну да! Да же!

Только вот не могу оторвать взгляда от его твердого подбородка, от его широких плеч...

Изменился.

Теперь это уже не мальчишка.

Чувствуется спортзал с личным тренером. Да и стрижка модная, дорогая...

Жмурюсь.

Безумно хочется коснуться этих висков и провести пальцами по скулам, как когда-то...

Что со мной?

Почему?

За что мне это?

Почему у меня дыхание сбивается, когда он рядом? Почему кончики пальцев жжет, а по спине идут мурашки?

Почему внутри все патокой стекает, оставляя и сладость, и боль?

Ну за что?

Нет!

Нет, нет и еще раз нет!

Больше я в это не вступлю!

Да. Красивый.

Но...

Не для меня. Мне это ясно дали понять. Сначала его родственники, а потом и он сам.

Не для меня.

Чтобы я не чувствовала к этому человеку – он не для меня.

Набираю воздуха в легкие:

– Какого черта ты делаешь на моем диване, да еще и в ботинках?

– Я? – ошарашенно произносит Женька. – На твоём? – и тут он смотрит на свои ноги так, словно удивлен их наличием. – В ботинках?

– Жень, хватит в дурочку играть, зачем приехал?

– Я! Да я... – он резко дергается, пытаясь встать. – О-ой...

Вот блин...

В нашей деревне мужики такие после Галкиного самогона.

Пару раз мне даже капельницы ставить приходилось...

– Что пил? – шагаю вперед, тянусь к его лбу, но...

Он нервно дергается, смотрит на меня, словно я ужалить могу, зрачки расширены, сопит...

– Жень, я тут на тридцать километров единственный медработник, – развожу руками, – так что...

Не продолжаю...

Он сам хирург. Должен был стать.

Все понимает.

– В смысле “на тридцать километров единственный”? – хмурится, когда я трогаю его лоб, покрытый испариной, берусь за запястье посчитать пульс. – Тут же до города должно быть рукой подать.

– Откуда? Отсюда? – теперь моя очередь хмуриться.

У него явно жар... А алкоголем от него, конечно, пахнет, но не нашим... Что-то дорогое... Хотя я последний раз пила на свадьбе Игоряна с его Юлькой. Шампанское. С грейпфрутовым соком. Не знаток я этих напитков, могу и ошибиться. Но пахнет от него скорее коньяком, чем самогоном. И совсем не сильно.

– Ну отсюда, – дергает он рукой, а я резче сжимаю пальцы.

Пульс он мне даст посчитать или нет?!

– Мой дорогой, – обращаюсь к нему, как ко всем своим пациентам, – от нашей Михайловки до ближайшего райцентра минут сорок на машине. Это если дороги удастся от снега расчистить. Вчера у Сашки не получилось.

Занимаюсь своим делом, совершенно не обращая внимания на его выражение лица.

По всем симптомам у него жар такой, что его б в стационар.

– Ну-ка ложись! – черт, фонендоскоп в ФАПе оставила.

Послушать бы его.

– Какой Михайловки?! – пытается возмущаться это еле живое тело.

– Что? – трясую головой, не желая отвлекаться.

– Ты что несешь? – возмущается он слишком длинными для себя фразами. – Какой Михайловки? Танька живет в Малаховке!

– Танька, может, и в Малаховке, а ты, Луконин, сейчас в Михайловке, – достал, блин! – Ложись немедленно, сейчас градусник принесу. У тебя на медикаменты есть аллергия?

– Подожди! – вскакивает. – Я же таксисту!.. Че-ерт, – хватается за голову.

– Ляг, я сказала, – рывкаю, как привыкла на Ляльку.

И еще на Юрку. Тот тоже строптивый.

Женька посылает мне зверский взгляд, но послушаться у него нет сил.

А что, мой дорогой? Ты хотел тут найти небесное создание, питающееся цветочной пылью и какающее радугой? Это я такой на третьем курсе была. Пока не осталась одна с ребенком на руках в среднерусской глуши...

Поджимаю губы, иду на кухню к аптечке.

Женька не ложится, но видно, что еле сидит.

Подхожу, молча протягиваю ему градусник.

– Кать, я из аэропорта взял такси... Назвал Малаховку...

– У тебя жар когда поднялся? – спрашиваю спокойно своего пациента.

Просто пациента.

Никаких чувств у меня к нему давно нет.

Он лишь больной мужик, на которого мне еще надо бы заявление за взлом написать.

– Да, если честно, еще вчера башка болела... – пытается отмахнуться он и тут же чуть не теряет равновесие.

Сидя на диване.

– Ну, видимо, ты, когда таксисту адрес называл, уже еле языком ворочал, – хмыкаю, – а они у нас тут все немного по-русски не понимать...

– Бли-и-ин, – шепчет он, все же беря градусник. – Прости... А ты... А как?... Какого черта сюда? – наконец выдает он связанную фразу.

– Понятия не имею, – кривлюсь, хотя тоже очень хочется задать таинственному таксисту этот вопрос. – Давай градусник.

Ух-ё!

Неудивительно, что он тут у меня еле на диване держится.

Скорую бы.

Да не приедет же.

Как пить дать не приедет.

Ладно. Будем считать, что это обычное ОРВИ. Фельдшер я или где?

– Держи, – приношу ему капсулы и стакан воды. – Я сейчас еще горячего чаю сделаю. Сбивать надо.

Он поднимает на меня мутный взгляд, но таблетку не берет.

– Луконин, ты что, боишься, что отравлю? – удивленно вскидываю брови, хотя мне сейчас орать и топтать ногами хочется.

Что он о себе возомнил?

Появляется тут! В моем, между прочим, доме.

Несет какую-то чушь про Михайловку и Малаховку.

Да еще и таблетку не берет!

Это он... Он!!! Он, а не я в нашей паре сволочь!

Хотя, судя по его взглядам, он думает с точностью до наоборот!

– Луконин, ты если лечиться не хочешь, то давай я в скорую позвоню, – отхожу, стараясь хотя бы изображать спокойствие. – Санька вчера пытался дорогу прочистить. Трактор только до реки дошел, но там, если пешком немного через поле, то можно до шоссе добраться. Думаю, ты дойдешь! – киваю уверенно. – Ты мужчина взрослый, сильный! – полностью игнорирую то, что он еле сидит...

Да и то, только потому что обеими руками в край дивана вцепился.

– Кать! – что-то пытается сказать мне он.

– Ща, погоди, я дед Севу спрошу, – делаю вид, что собираюсь выйти из дома. – Может, он Сивого запряжет в волокуши. Сивый, дурак, конечно, еще тот, но все же на нем легче, чем пешком... Ща...

– КАТЬ! – аж повышает голос Луконин.

– Ты мне тут не ори! – разворачиваюсь.

Быстро разворачиваюсь. Оно и понятно, я ж уходить-то и не собиралась.

– Ты или лечишься под моим руководством, или фигачь на все четыре стороны, ищи врача, которому доверяешь!

Жмурится, зубы стиснул, сопит... Почти рычит...

– Давай таблетку! – шипит еле слышно.

Молча протягиваю ему все тот же стакан, все ту же капсулу.

Ишь! Нашелся тут! Одолжение мне делает.

Он с явным усилием проталкивает в себя лекарство.

Так. Горло бы посмотреть. И послушать.

Ангина? Пневмония? Что-то еще?

– Спасибо, – произносит шепотом и пытается лечь.

Только вот... Упс...

– Сейчас принесу сухую подушку, – кривлюсь, – Лялька решила, что ты грабитель.

Извини мою дочь.

И тут Луконин широко распахивает глаза и резко выпрямляется...

– Как ты сказала? Дочь?

Глава 4

Катя

– Дочь! – произношу с вызовом.

А у самой трепещет все в груди.

– Я что, по-твоему, не могу иметь дочь? – чуть ли не вскрикиваю я.

И с опозданием понимаю, что я слишком громко говорю. Слишком эмоционально. Слишком воинственно... Слишком... Все слишком...

А он, кажется, не замечает.

Его глаза подергиваются пленкой, взгляд туманится...

– Можешь, – отвечает он полушепотом. – Дочь...

И медленно укладывается на все еще мокрую подушку...

– Ты все можешь, – шепчет он, закрыв глаза.

– Эй, Женька! – кидаюсь к нему.

А у него на висках выступила испарина.

– Блин!

Это просто таблетка действует.

А он провалился почти в беспамятство.

На мои прикосновения реагирует, но глаза не открывает.

– Сейчас, – медик, принесший клятву Гиппократу, берет во мне верх.

Подушка, нормальное одеяло. Ботинки его дорожные, но тонкие, снять... Куртка? Куртку лучше бы тоже снять.

Тихо вожусь около дивана и чуть не вздрагиваю, замечая стоящую в дверях Ляльку.

– Он тут останется? – вытягивая шею, спрашивает меня она.

– Ляль, он заболел сильно, – объясняю дочери.

– А он кто? – с любопытством спрашивает она, подходя к дивану.

– Он? – замираю, упираюсь руками в колени. – Никто, – шепчу, зажмурившись.

А Лялька уже присела в изголовье дивана, разглядывая незнакомца. Какое же счастье, что она похожа на меня! Глаза и брови его... Все остальное мое. Не заметит. Никто не заметит. Никто не поймет!

– Мам, смотри, – ее палец бесцеремонно упирается в его шею. – А у него родинка, как у меня!

Елки!

– Ляля! – рычу на дочь, хотя она вроде и не заслужила. – Ляля, иди книжку на ночь выбирай!

Читаю дочке ее любимую Пеппи, а сама...

Сбиваюсь на каждом абзаце...

Как он там? Дышит?

Блин! Вот свалился же на мою голову...

– Мам! – одергивает меня Лялька.

– Да, да... Когда они вернулись на виллу...

– Ты это читала уже три раза! – обиженно выдает мне дочь.

Имеет право.

– Ляль, – складываю книжку на коленях, – я из-за нашего гостя волнуюсь... Давай сегодня просто спать?

Дочка соглашается, я присаживаюсь около ее постели...

Незамысловатая песенка не требует моего внимания. Мурлычу ее на автомате, перебирая золотистые прядки моей малышки...

Как бы Луконина выпроводить побыстрее? Вот зачем он нам тут? И чего он так уцепился за это “дочь”...

Он всегда девочку хотел. Я смеялась над ним тогда... Все мужики хотят мальчика, а он говорил: “Я себя увидеть могу только в девочке!”

Медики... Мы это знаем, как никто... Черты характера и интеллектуальные способности передаются с хромосомой Х. Если у пары мальчик, то Х он берет от матери и У от отца. Поэтому часто мальчики похожи на матерей. Или на дедов. Вот это знаменитое – хотите умных детей, женитесь на дочке профессора!

А вот если девочка... Девочка – это ХХ. Один Х от матери, а второй от папы. И вот тут как раз мужчина может и проявиться. Чаще всего так и бывает. Шутка, что папы любят дочек. Конечно, любят! Они себя в них видят. Ум, характер, упорство... Я бы сказала, даже упертость. Если говорить конкретно о Ляльке и Луконине.

Так что, как настоящий подкованный медик, Женька хотел дочь. Эгоист! И тогда им был, и сейчас таким остался!

Знал бы он, что у него все получилось.

Я последний раз провожу рукой по волосам моей малышки, целую кончик носика... Да, внешне она похожа на меня... А во всем остальном... Эх... Вылитый Женька!

Надо бы посмотреть, как он...

Поднимаюсь, иду в большую комнату, склоняюсь над диваном.

Черт!

Черт, черт, черт!

Температура совершенно точно снова пошла вверх!

– Так, Луконин, – бормочу себе под нос, разворачивая домашнюю аптечку. – Надеюсь, ты не стесняешься демонстрировать своим бывшим свой зад, – набираю в шприц-пятачку литическую смесь. – Сбить бы жар, – уверенно иду к дивану, – а то хоть санавиацию с тобой вызывай!

Укол действует.

Как надо действует.

Минут через двадцать Женька начинает потеть.

Я зажимаю градусник у него подмышкой и отчетливо вижу положительную динамику.

Температура падает.

Только...

Блин! Вот что за организм!

Скачок слишком резкий. Женьку начинает трясти. Физически трясти. У него аж зубы стучат! Я такого в своей практике никогда не видела.

Ешки-матрешки, Луконин! Как я умудрилась с тобой почти два года провстречаться и ни разу не поймать тебя с высокой температурой?

Лезу в ванную за тазом с теплой водой. Стягиваю с Женьки свитер, майку, обтираю его всего полотенцем, добавляю еще одно одеяло...

Не помогает.

Ничего не помогает.

Да чтоб тебя, Луконин!

Как же тебя согреть?

Эх... Была не была!

В конце концов, мне же не обязательно оставаться тут на всю ночь.

Шумно выдыхаю, скидываю с себя футболку, залезаю к Женьке под одеяло и...

Крепко прижимаюсь к его обнаженной груди...

Я не сплю. И мысли спать нет. Напряжение такое, что, кажется, сейчас спину сведет от усталости...

Но это работает.

Женька перестает дрожать, медленно расслабляется, его дыхание становится глубже.

Сейчас... Еще немного... Еще чуть-чуть, и я пойду к себе...

Сейчас...

Вот...

Уже почти встала...

Уже... Почти...

– Екатерина! – вдруг слышу громкий бас где-то над собой. – Михайловна! – говорящий явно зол.

Очень явно зол.

Оборачиваюсь, распахиваю глаза.

Над диваном стоит Юрка. Взгляд его не сулит ничего хорошего. Глаза буквально кровью налились, а крылья носа подергиваются так, что даже я вижу.

– А мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?! – рычит мой жених.

Глава 5

Катя

Жених.

Ну, по крайней мере, он так считает.

Юрка – мой водитель. Понятно, что мы вместе проводим чуть ли не весь рабочий день. А иногда и не только рабочий. А иногда и не только день.

И помимо того, что он возит меня везде и носит за мной все, защищает меня ото всех пьяных забулдыг, он еще и все чинит в ФАПе.

Порывается и дом мой, наконец, как он выражается, привести в порядок, но я держусь. Я – кремень! Я же понимаю, что стоит ему только зайти... И уже фиг выгонишь.

А мне пока и так хорошо.

Вдвоем с Лялькой.

Правда, для всей деревни это выглядит так, будто мы не в этом месяце, так в следующем, поженимся.

Сдается мне, что Юрка сам к этому руку и приложил. Слухи-то распустить легко. Иногда даже говорить ничего не надо. Наоборот, надо промолчать, когда говорят другие.

Только вот...

Я за Юру замуж не собираюсь. Он, конечно, хороший, но я не могу выйти замуж за парня исключительно из чувства благодарности. Так что... К свадьбе я готовиться не спешу. Пусть как хочет, так и выкручивается. Сам слухи распустил, сам пусть и объясняет, чего это у нас помолвка затянулась.

– Юр! – встаю, стараясь не разбудить Луконина, но...

Поздно.

Он проснулся, щурится и смотрит на меня с тем же недоумением, что и Юрка.

Правда, взгляд слегка добрее.

Слегка.

– Юр, – вылезая я из-под одеяла, проигнорировав своего бывшего.

Тут же ежусь от холода. Не, я не то чтобы раздета. Футболку я сняла, чтобы к этому интуристу кожа к коже прижаться. Но джинсы-то на месте. Да и... Вместо бюстгалтера у меня спортивный топ. Удобнее мне так. Так что. Выгляжу, в общем, прилично.

– Хорошо, что ты приехал, – обращаюсь к своему водителю. – Ты на личной машине или на нашей? Мне укладка нужна. И фонендоскоп.

– Я пешком, – кривится Юрка. – Снег всю ночь шел! Там дорог нет. Одни направления.

– Вот блин, – сокрушенно вздыхаю. – А он ночью выше сорока дал. Я ему литическую уколола, так его трясти стало в лихорадке...

– А это вообще кто? – все еще с наездом спрашивает Юрка.

– А это мамин гость! – слышим мы все довольный голос из коридора.

– Ляля! – восклицаю, всплеснув руками. – Немедленно обуь тапки! Полы холодные!

– Гость, значит, – скрежещет челюстями Юрка.

– Слушай, а чего ты допрос устроил? – пошла я в активную оборону. – Я тебе чего должна? Или чего обещала? Кого хочу, того в гости и приглашаю!

– Не обещала! – орет он, и по тону слышно, что ему хочется добавить какое-то “но”, только вот добавлять нечего.

Ну нечего, и все тут!

– Понятно все с тобой! – рывкает Юрка и разворачивается уходить.

– Ты куда? – спрашиваю недоуменно.

– За укладкой пошел! – огрызается он уже от дверей. – Надо же гостя твоего лечить!

– Ну и иди, – киваю спокойно я.
Почти спокойно.
Меня, если честно, трясет, но я и правда не понимаю, чего это я должна ему тут объяс-
нять.
– Иди, иди, – киваю в пустоту, – скатертью дорожка!
Оборачиваюсь.
А Женька-то, оказывается, уже встал!
По крайней мере, попытался.
Сидит на диване и очень пристально на меня смотрит.
Кажется, даже осуждающе.
– Я ему и правда ничего не обещала! – взмахиваю руками.
– А мне обещала, – кривится Женька, – а поступила так же, – произносит он тихо.
– Что? – хлопаю глазами я. – В смысле?
– Кать! – резко обрывает он меня.
Морщится, кривится, водит взглядом, словно ищет что.
Наконец, находит.
– Оденься, – он протягивает мне мою футболку с выражением праведной муки на лице.
И встает, безошибочно определив, где в моем доме санузел.
Я стискиваю зубы, проглатываю слезы.
Не, ну что за мужики!
Один орет, а второй шепотом, но наповал!
Черт!
И кто ему вообще право дал?
И что он имел в виду?
Шумно сопя, ухожу на кухню. Надо же Ляльку завтраком накормить. Только Ляльку.
Этому гостю я готовить не подвязывалась!
Блин!
Ну не выйдет так. Не выйдет.
Закрываю глаза, шумно вздыхаю.
И после той лихорадки, что была ночью, выставить его не выйдет. Это будет почти убий-
ством. А учитывая наш утренний разговор – предумышленным с отягчающими...
Ставлю чайник, открываю холодильник.
И память мне очень ясно, словно это было вчера, подсказывает, что Женька любит сыр
на сером хлебе без масла. И черный кофе.
Черт!
Ну вот зачем мне помнить, что он любит? Зачем? Я лучше... Я вот... Я дочери завтрак
приготовлю... Сыр на сером хлебе... Без масла... И какао...
Падаю на стул как подкошенная, жмурюсь.
Я же сильная?
Я выдержу!
Пара дней, потом дороги расчистят, и можно будет вызвать ему такси. Пусть катит в свою
Малаховку или куда он там ехал. А мы будем жить, как и жили. Я и Ляля.
Кстати! Ляля.
Что-то ее давно не видно.
Не к добру.
– Ляля? – кричу в дом.
И тишина.
– Ляля? – повышаю голос. – Оля! Ольга?
Полным именем я ее зову в качестве последнего шанса.

И она это знает. И все равно не появляется!

Кошмар!

Ужас! Все пропало! Дочь, так точно!

– Ляля! – бегу, спотыкаясь о порожек.

Врезаюсь в Луконина, но мне сейчас клинически не до него!

– Оля!

В ее комнате пусто. Распахиваю свою – пусто! Толкаю дверь ванной, из которой только что вышел Женька. Бред, конечно, но и там пусто.

– Оля! – и совсем отчаявшись, открываю входную дверь.

– Мама! – восклицает совершенно счастливая Лялька, стоящая почти по колено в снегу.

– Мама, смотри, какая кукла!

Она гордо показывает мне совершенно чудесную куколку в шляпке, с золотистыми завитушками, даже в панталончиках и ботиночках.

Только мне сейчас совсем не до куклиной одежды.

– Ляля! Зайди в дом немедленно, ты же раздета! – ору в отчаянии.

– Мам, – удивляется моя дочь. – Ну ты что? Я же в тапках!

.

Глава 6

Катя

– Да ты!.. Да я! Тебя!

Выбегаю на снег...

Так же, как и моя дочь, в тапках. Подхватываю ее на руки.

– Что это за кукла еще? Брось немедленно!

– Не надо бросать, – на крыльце появляется Женька. – Хорошая кукла.

– Ты еще куда вышел! Немедленно в дом! Еще осложнений мне не хватало!

Эти двое смотрят на меня крайне обиженно и даже слегка возмущенно, но слушаются.

– Что за кукла? – ставлю дочь на диван, тру ее ноги все тем же несчастным флисовым пледом со снеговичками, пытаюсь вспомнить, остался ли у меня с прошлого раза спирт – пятки ей растереть.

– Это я вез, – отзывается у меня из-за спины Женька.

Взгляд Ляльки становится взволнованным, и она почти с ужасом смотрит то на него, то на меня. Прижимает к себе игрушку, которую так и не выпустила из рук. Понимает же, что не ей подарок...

– Пусть твоя, – чуть быстрее, чем я хотела бы, отзывается Женька. – Вез не тебе. Я о тебе не знал, но пусть теперь твоя!

Жмурюсь.

Вот за что мне это?

Я знаю, что это за бренд. Очень натуральное лицо, волосы, как живые, ручки-ножки двигаются по всем суставам.

Лялька просила.

Но это две моих зарплаты.

Я не смогла накопить даже на самый дешевый вариант.

– Там к ней еще наряды должны были быть и сумочка, – оглядывается на дверь Женька, – в чемодане...

– В чемодане? – хмурюсь я.

– Ну да, – кивает смущенно, – я же... Я же из аэропорта ехал.

– Блин!

В этот раз я вступаю в валенки, накидываю на плечи пуховик.

Вот он, около забора. Поваленный. Сейчас из сугроба только край видно. Раскрытый.

И все вещи рассыпались по снегу.

Боже, как обидно. И... И... Да на кой черт мне это все?!

Сцепив зубы, вытаскиваю чемодан из сугроба, захожу в дом.

– А я в окошко вижу, торчит что-то, выскочила, за ручку потянула, он щелкнул... – щебечет моя Лялька.

Божечки, получается, это она его и открыла!

И что Женька на это скажет?

И я выпячиваю грудь, чтобы дочь свою защищать. Потому что нефиг чемоданы с такими красивыми куклами у нас по двору разбрасывать! Сам виноват! И вообще...

– Смотри, ей можно ножки согнуть и как живую усадить!

Замираю, оглушенная.

В смысле?

Ругать не будет?

У меня вся деревня Ляльку ругает. Та, молодец, всегда повод предоставит. За ней не заржавеет.

А он не будет? За полностью вымокший чемодан?

Медленно захожу в комнату.

Сидят на диване, куклу эту дурацкую раздевают, совершенно друг другом довольные.

– Ты шубку снимай, у нас жарко, – приговаривает своей новой игрушке Лялька, пыхтя от усердия.

А Женька сидит и смотрит на нее, будто ничего интереснее в жизни не видел.

– Тут... – начинаю и понимаю, что чего-то у меня горло перехватило.

Откашливаюсь.

– Тут в снегу все...

– А, блин! – подскакивает Женька, но его тут же ведет в сторону, он хватается за спинку стула. – Слушай, – смотрит на меня испуганно, – а где вообще мои телефон, паспорт? Это все в куртке было!

– Жень, – я развожу руками, разворачиваюсь, беру его куртку. – Я тебя раздевала, но по карманам не лазила, – протягиваю одежду ему.

Он ощупывает куртку и с каждым разом его лицо становится все растроеннее...

– Черт! – в одном из карманов находит ручку, в другом зажигалку. – Чья зажигалка? Я ж не курю!

– Луконин, могу сказать только одно... – ехидно поджимаю губы.

– Лучше молчи! – сверкает глазами он. – Я не много пил! Вообще, мало пью, – отводит взгляд. – Точнее редко.

– А тут решил отметить прилет? – не могу сдержать иронии.

– Наоборот, – кривится он, – не хотел возвращаться в эти места, – и очень красноречивый взгляд в мою сторону.

Его слова режут, как по живому...

Не хотел возвращаться он. Из-за меня? Из-за того, что боялся встречи? В глаза мне посмотреть? Или наоборот... Боялся, что я буду его искать по темным переулкам? На шею вешаться?

Да нужен больно!

Строй свою карьеру! Красавчик!

Резко отворачиваюсь, потому что на глазах непонятно откуда появляются слезы.

Раскрываю его чемодан, вытаскиваю вещи...

– Танька родила, – вдруг произносит Женька и добавляет с необычайной теплотой в голосе: – Де-евочку. Познакомиться с племянницей летел.

– М... Мои поздравления, – мне почти удалось проглотить все слезы. – Давно родила?

– Да вот из роддома должны выписать, – неуверенно отвечает он.

И тут до меня доходит.

– И ты куклу ей вез? – спрашиваю с усмешкой.

– Откуда я знаю, что везут младенцам? – смотрит он на меня почти обиженно. – А кукла всегда пригодится! – и тут он снова смотрит на Ляльку. – Ну я же прав! Смотри, пригодилась!

А моя дочь довольно смеется, только вот... Ее смех тут же переходит в кашель!

– Блин! Ляля! – всплескиваю руками.

И в этот момент на крыльце слышен стук.

Громкий такой. Настойчивый.

Хмурюсь, иду в коридор, распакиваю дверь.

– Юрка? Ты чего?

Удивленно смотрю на своего шофера.

Здоровый, медведеобразный парень, обещающий лет через пять стать настоящим толстяком, смотрит на меня насупившись, исподлобья. Носом сопит, губы жует. И отчего-то жуть как мне напоминает быка Дашкиного... Он тут у нас один на все село. Вот как раз такой, зараза!

– Ты чего стучишь так? – распахиваю широко дверь, пропуская его. – Заходи!

– Да мало ли, – неприятно искривляет губы симпатичный в общем-то Юрка, – чем вы тут со своим гостем занимаетесь?

В смысле?!

Это он о чем?

Ах ты!

Ну я тебе сейчас!

– Трусы его перебираю! – упираю руки в бока, смотрю нагло.

Продолжать не спешу, жду комментариев, только вот реагирует не Юрка, а Женька.

Он, бедняга, аж закашлялся, услышав про трусы.

– Чемодан его ночью на улице был, – взмахиваю рукой в сторону разбросанных вещей. – Лялька его раскрыла, намокло все... – смотрю на Юрку чуть высокомерно. – Сушу.

Тот краснеет, тушует.

Ну и получи, фашист, гранату! Чего лезешь с идиотскими предположениями?

– Давай укладку, я Ляльку тоже послушаю. А то она выскочила босой на снег.

– Ох сведет она тебя в могилу, – ворчит Юрка, ставя чемодан фельдшера на табуретку.

Лялька, которая вообще-то не любит чужих мужчин, показывает Юрке язык.

Тот раскрывает рот высказаться по этому поводу, но я ему такого шанса не даю. Резко поворачиваюсь к дочери:

– Так, а теперь еще раз также, только с раскрытым ртом!

Она беспрекословно слушается. Дочь медработника. Двух, блин.

Осматриваю ее горло. Вроде пока не красное. Откуда кашель тогда?

Распахиваю свою сумку, достаю фонендоскоп. Холодный, зараза!

– Ша, погрею, – сжимаю головку фонендоскопа в кулаке, думая, что с Лялькой, наверное, просто ноги попарим, и обойдется.

А вот Женьке стоит антибиотик поколоть...

– Стой! Куда тащишь! – аж подпрыгиваю от резкого окрика Юрки. – Положь, где взяла!

– сверкает глазами мой водитель. – Ремня на тебя нет! – и Юрка вдруг замахивается.

Вроде как в шутку, но...

– Ты че на ребенка орешь! – вскакивает между ними Женька.

И откуда у него только силы взялись! Бледный, чуть не шатается, а...

– С ума сошел, на девчонку руку поднимать? – чуть не рычит он. – Подумаешь, фонарик взяла!

– Сейчас фонарик стащила, а потом что? – рывкает Юрка, намекая на уголовное будущее моей дочери.

– А потом пластырь! – тем же тоном отзывается Женька. – Вся медицина на дне лежит. Сверху ничего опасного!

– Да что б ты понимал! – выпячивает грудь Юрка.

– Да кое-что понимаю! – точно так же не уступает ему Женька.

Я стою, с квадратными глазами, понятия не имею, что делать. В такой ситуации точно никогда не была. Все замерло, как за секунду до ядерного взрыва, и только Лялька на цыпочках крадется к выходу...

.

Глава 7

Катя

– А ну стоять! – это рявкаю я.

Причем так, что вздрагивают и Женька, и Юрка. Ляля не вздрагивает. Просто замирает, подняв ногу для шага...

– Фонарик, – протягиваю дочери раскрытую ладонь.

Лялька конфузится, надувает губы и, шаркая, тащится ко мне...

Огибая Юрку по большой дуге, так, чтобы у Женьки за спиной идти.

– Горло показывай! – команду я, включая один из самых важных инструментов фельдшера.

Мы ж не только по домам ездим, часто в полях, на улице вылавливаем пациентов. Там, конечно, светим не этой “ручкой”. Для ночных променадов у нас с Юркой мощный прожектор на аккумуляторе. Но фонарь действительно в сумке фельдшера нужен. Очень. Дочери вот горло посмотреть.

– Красное, – вздыхаю. – Садитесь, – смотрю на Женьку и Лялю, – слушать вас буду. Юр, – оборачиваюсь к своему шоферу, стараясь сделать о-очень дружелюбное лицо, – может, чаю?

– Не, – кривится он, оглядываясь на мою пару больных. – Я пойду! Дела!

И даже не постаравшись выдумать эти самые дела, громко и демонстративно уходит.

Ну и скатертью дорожка! Надо не забыть за тобой дверь закрыть. А то устроил мне тут проходной двор вместо дома.

Да еще и раскомандовался! Мало того, что невестой своей объявил, так еще и вздумал тут! На мою Лялю орать! Не позволю! Ни я, ни Луконин!

Ой...

Блин...

Так...

Ладно...

– Майку поднимай! – команду своему гостю, изображая на лице вселенскую усталость.

Вообще-то у меня там внутри сейчас совсем другие эмоции.

Хочется высказать ему пару ласковых! И лечить его совсем не хочется!

Но чем быстрее вылечу, тем быстрее он отсюда уберется!

Так ведь?

Так!

А значит...

Женька смотрит на меня насмешливо, но послушно задирает футболку и поворачивается спиной.

А я...

Я прикоснуться к нему не могу, у меня руки трясутся.

И что это за ерунда? Я же спала рядом с ним ночью? Кожа к коже его грела! Как так-то?

Но ладони потеют, дыхание перехватывает, а мысли вертятся исключительно вокруг отлично развитой широчайшей на спине! И вокруг того, что это его... Женькина спина. Та самая, в которую я когда-то впивалась ногтями, та самая, на которой он меня катал, когда мы баловались. И за которой я пряталась, бывало... Когда-то...

– Повернись, – команду шепотом и...

Натыкаюсь на его взгляд.

Серьезный, без тени насмешки. Он смотрит на меня так, как я бы должна смотреть на него: вдумчиво, изучающе, ожидая найти какие-то ответы...

– Легкие пока чистые, – я поспешно сворачиваю фонендоскоп, забыв, что хотела и дочь послушать. – Я бы рекомендовала антибиотик, но я не врач, – стараюсь вложить в голос побольше иронии и язвительности.

А он не реагирует, молчит.

– Мне в ФАП надо, – продолжаю, как заведенная. – Давайте я вас накормлю, и вам сегодня домашний режим! – произношу с нажимом, глядя на дочь.

Она тяжело вздыхает, прижимая к себе новую куклу, а Женька...

Женька ловит ее взгляд и почему-то озорно ей подмигивает!

И в этот момент Лялька счастливо улыбается!

.

Евгений

– Я посвящаю вас...

Над моей головой взметнулась старая лыжная палка, найденная в коридоре.

– Не, не так! – ловлю ее конец, скорее для того, чтобы оба глаза сохранить, а не для правдоподобности.

Конечно, ругаться на эту мелюзгу не планирую.

Смешная она, нежная, трогательная, любознательная... Чудесная, одним словом!

– Сначала на правое плечо, потом на левое, а потом только на голову, – указываю ей, как должен идти меч при посвящении.

– Так? – она старательно водит палкой, аж кончик языка высунула от усердия.

Клевая!

И откуда у Катки такая дочь?

Хотя...

Катка же тоже клевая... Была...

Стискиваю зубы, стараясь не выдать эмоций.

Я не знаю, по воле какого случая я тут оказался.

Чем меня напоили в аэропорту, и что за идиот таксист мне попался?

А, может, и не идиот?

Может, наоборот? Добрый волшебник?

Я ведь очень хорошо помню, что со своим случайным попутчиком мы поднимали бокалы “за любимых”...

И я рассказывал, что не хочу возвращаться туда, где она, потому что до сих пор люблю.

Никогда в жизни ей об этом не скажу, но люблю...

Она не заслужила таких признаний.

А вот ее дочь.

Чистая, светлая, озорная...

– Ты теперь рытарь! – кричит, подпрыгивая.

– Рыцарь! – поправляю, смеясь. – Конечно, моя королева!

Все началось с разбора моих вещей.

Я не брал ничего особенного, но даже простая толстовка с надписью на английском и футболка с Биг-Беном на груди удивили малышку.

Решил рассказать про Англию, про королеву...

И так как ей запрещено выходить во двор...

Нам запрещено!

Эх! Я бы тоже лучше бы из снега крепость замутил! Сто лет красивой русской зимы не видел.

Но! – украдкой поглядываю на строгую, сосредоточенную Катюху, – так как у нас домашний режим, то наш замок состоит из диванных подушек, кресла и пуфика для обуви.

В фантазии ребенку не откажешь.

– Я королева! – крутится Ляля, прицепив мой длинный шарф к себе, как шлейф.
– Так, королева! – появляется рядом с нами Катя, скептически осматривая наши уникальные и неповторимые постройки. – Пора за стол!
– Только если потом шоколадка! – плюхается мне на колени Лялька.
А я обалдеваю!
Это что, меня в сообщники берут?
Я должен шоколадку обеспечить?
– Шоколадка только когда температура! – щурится Катя.
А! Нет! Это их лечение! Их игра.
– Кхе-кхе! – старательно кашляет Ляля.
А Катя нервно дергает подбородком:
– Не верю!
И тут я понимаю, что просто обязан действовать!
Не знаю, то ли то, что я теперь рыцарь, повлияло, то ли умоляющие королевины глаза!
Прикладываю ладонь к своему лбу.
– Вот у меня однозначно температура! – ловлю убийственный Катькин взгляд, но не смущаюсь ни капли.
Напротив.
– Кхе-кхе, – выдавливаю из себя с Лялькиными интонациями.
И эта малявка так заливисто хохочет, что...
Не выдерживаю и смеюсь вместе с ней.
Она у меня на руках, я обнимаю хрупкое тельце, чуть придерживаю, чтобы она не свалилась.
– Знаешь, – довольно и почти гордо произносит Лялька, – а ты мне нравишься!
– Ну спасибо, – хмыкаю. – Ты мне тоже нравишься!
И малышка светится от счастья! Прижимается ко мне, как родная. Я поднимаю взгляд и...
И слишком поздно замечаю у Кати слезы на глазах.
Ни намека на улыбку.
Смотрит на нас словно громом пораженная, а по щекам текут слезы...
.

Глава 8

Евгений

Я совсем потерялся в своих догадках и эмоциях.

Это, наверное, из-за болезни... Башка гудит и ничего не соображает.

И, если честно, жутко хочется спать.

Катя ушла.

Странно очень ушла.

Когда поняла, что я заметил ее слезы, попросту вылетела из дома, прошептав: “Еда на плите”.

Это как? Это о чем?

Женщина, которая променяла меня на другого, решила не ждать, теперь смотрит, как я играю с ее ребенком, и ревет. И что реवेशь? Это мог бы быть мой ребенок, если бы ты имела хоть какое-то понятие о верности. Не так уж много от тебя и требовалось.

Родители сказали, что она нашла другого уже к лету. Я не верил, но мне прислали фото, короткое видео из уличного кафе Танюха сняла...

Катка ведь даже учебу из-за него бросила. Ну она и сама подтвердила, что не доучилась. Фельдшер вон она тут.

Видимо, совсем козел оказался, раз бросил ее с малышкой. Или беременную. Ляля об отце вообще не упоминает.

А девчонка клевая! Крутится около меня. В больничку играет. В маму то есть. Я – больной. Классная игра, мне пока все нравится. Вытянулся на диване. На лбу у меня мокрый носок. Мой же. Чистый, слава богу. Что нашла, то и компресс. Меня заставили выпить уже ложек пять воображаемой микстуры, укутали заботливо тремя разными одеялами и сейчас собираются делать уколы. Одноразовых шприцов у нее полный набор.

Смотрю на малышку, и внутри ворочается что-то совсем неправильное. Что-то, что пугает и радует одновременно. Я вдруг понимаю, что перспектива расстаться с этой девчушкой навсегда мне совсем не нравится. Я был бы рад, если бы... Если бы...

Черт, что ж так голова гудит?

А если бы Катя меня дождалась?

И это была бы сейчас моя дочь? Дочь...

Тепло разливается по телу, я чувствую, что улыбаюсь и, кажется, засыпаю...

И напоследок в отключающемся разуме появляется мысль: а какая разница, чья это дочь? Люблю же! Катку же люблю... И какая тогда разница?

.

Катя

Дорога в ФАП петляет, как и мои мысли. Морозный ветер щиплет щеки, но я едва замечаю холод. Грудь сдавлена так, что не вздохнуть, а слезы все равно текут и текут. Весь шарф уже мокрый.

Зачем он появился в нашей жизни? Что за злая ирония судьбы? Что за шутка? Издевка!

И Ляля... Девочка моя, которая всех мужчин по большой дуге обходит... Почему ей так хорошо рядом с ним?

Вспоминаю ее счастливый смех, ее глаза, то, как она к нему прижалась...

Боже, как же больно!

А он... Тоже хорош!

Смеется, щекочет, дурачится!

Он что, не понимает?

Ничего не понимает?

Он же уедет! Снова уедет! И что мне тогда делать?

Опять ночами рыдать, вспоминая его голос, его руки, его глаза...

Да! Только рыдать теперь будем уже вдвоем с Лялей!

Нет. Этого нельзя допустить! Ни в коем случае! Надо ставить его на ноги и выпроваживать. Желательно сегодня же...

ФАП появляется передо мной внезапно, будто выныривает из тумана. Маленький домик, обитый сайдингом. Ремонт делали совсем недавно. Сейчас это чуть ли не самое красивое здание в деревне.

Я вставляю ключ в замок, вхожу и сразу закрываю за собой дверь, чтобы отсечь холод. Внутри тихо, только часы лениво отстукивают секунды. Вешаю куртку, беру себя в руки и включаю свет. Работа – вот что сейчас нужно.

Первым делом проверяю рецепты. У меня тут полдеревни льготников – кто на кардиологию, а кто на диабет. Нельзя упустить ни в коем случае.

Составляю списки, перебираю запас медикаментов. Вот, просрочку надо списать. Перчатки заканчиваются. Что-то быстро! Опять, небось, Юрка матери своей коробку утащил...

Работа отвлекает и успокаивает. Я открываю компьютер, заполняю журналы, подбиваю рецепты...

Все как обычно. Все так было вчера, все именно так сегодня и все так будет завтра.

Вот только Луконин уедет, и все так и будет. Его приезд ничего не изменит. Это случайность. Недоразумение. Скоро пройдет.

Ну вот, вроде управилась! И успокоилась. Уже собираюсь уходить, как вдруг раздается звонок. Да не на рабочий номер, а на личный.

– Да! – отвечаю спокойно. – Да, дежурю... Да... Куда?

Срочно просят подойти ребенка послушать. На другой конец деревни... Елки! А Юрки с машиной-то и нет...

Евгений

– А! – подпрыгиваю от резкой боли в области бедра!

Черт!

Что? Как?

– Ляля!

Испуганный, но безумно довольный ребенок сидит около меня со шприцом в руках!

С настоящим шприцом! С иглой!

– Ты что творишь? – перехватываю у нее опасную игрушку. – Ты где его взяла?

– У мамы! – она боязливо смотрит на комод, и я вижу табуретку, приставленную к шкафу.

Да уж. Ребенок старался, доставал из самого верхнего ящика. Надо будет Кате сказать, чтобы на ключ закрывала.

– Скажи мне, что он был чистый! – шиплю, хотя понимаю, что грязному шприцу в доме взяться неоткуда.

Лялька насупилась, смотрит на меня обиженно. Еще бы! Такую игру испортил.

– Он был в обертке? – пытаюсь спросить девочку на ее языке.

– Да! – кивает она и достает из-под дивана упаковку.

Выдыхаю.

Окей. Заражение не грозит.

Но сон как рукой сняло.

– Слушай, я чего-то голодный! Пойдем поиграем в дочки-матери! – киваю в сторону кухни. – Согласен быть дочкой!

Лялька весело скачет на кухню к нашим остывшим кастрюлькам, а я сворачиваю в сторону ванной. Умываюсь прохладной водой, отмечаю, что почти ясно соображаю, выхожу и...

Стук в дверь!
Не слабый такой.
Я даже, кажется, знаю, кто пришел. Слышал я такой стук уже сегодня.
Выдыхаю, выхожу в коридор...
Ну точно.
Шофер ее, бычара, приперся.
Открываю, стараясь казаться вежливым, хотя приветливость явно на нуле.
– Кати нет дома, – говорю вместо “здрасьте”.
– А я знаю, – кривится он. – И не скоро появится. У нас как раз есть минутка, – в его глазах появляется жесткость, даже жестокость. – Поговорить надо.

.

Глава 9

Евгений

– Ну говори, – скрещиваю руки на груди и замираю ровно там, где стоял. – Дверь только закрой, – киваю в сторону кухни, – ребенок болеет.

Делает шаг, послушно захлопывает входную дверь и... замирает, как школьник.

Угу.

Фиг я сдвинусь.

У меня, конечно, утром было тридцать восемь и три, но вот здесь и сейчас точно выстою. Поднимаю подбородок, всем своим видом показывая нетерпение.

А с этого-то спесь пооблетела. Мнется, с ноги на ногу переступает. Не ожидал, что ли? Думал, что я ему тут теплый прием организую с расшаркиваниями?

– Валил бы ты, – наконец выдает он явно заготовленную фразу, – подобру-поздорову.

– А чего это? – вскидываю бровь, изображая безразличие.

Щас, расскажу я ему, что я и сам бы рад свалить... Ну... Вчера, наверное, рад бы был. Сегодня как-то эта мысль не греет. Сегодня я вот обедать с Лялькой собираюсь. Катина стряпня мне всегда нравилась.

– А чего ты приперся? – рычит на меня этот гибрид трактора “Беларусь” и бурого медведя.

– Захотел и приперся! Тебя что ли спрашивать должен? – в его же тоне отвечаю ему я.

– А, может, и должен! – взвизгивает Юрий. – Может, и должен! Она в деревне, вообще-то, моей невестой считается!

– Да? – делаю крайне удивленное лицо. – А я тут краем уха слышал, что она тебе ничего не обещала!

Блин, что я творю?

Ну ведь правда! Я же сам на Катьку и наехал, что она с этим своим водителем некрасиво обходится.

Ведь действительно сейчас начистим друг другу морды... Уже чувствую, что начистим. Уже вижу, что у него левая ведущая, а в коридоре слева зеркало...

Он здоровый, как вол, но я его однозначно завалю. Он неповоротливый и медленный.

Вот сейчас и завалю.

И хана Катькиной личной жизни...

И тут меня накрывает!

Да и черт с ней!

Вдруг с остервенением и злорадством думаю, что с чего бы это Катьке личную жизнь иметь, если у меня ее нет? Вот я до сих пор ни в кого влюбиться не могу.

И пробовал, и заставлял себя... Не-а... Фигня выходит. Чуть ли не трагическая.

И чего бы это я один, а она замуж? Тем более вот за этого? Который на Ляльку руку поднимает?!

Это воспоминание почему-то становится решающим, я чуть подаюсь вперед, заставляя его чуть ли не вжаться в дверь...

– Ты-то, может, ее невестой своей и считаешь, да вот она тебя женихом – нет! – произношу со всей наглостью, на которую я способен.

– А кого она женихом считает? – ревет он. – Тебя что ли?

– А, может, и меня! – фыркаю доволью.

Не... Это определенно последствия высокой температуры. Надо будет к Генриху зарулить. Предложить ему тему научной работы: “Помешательство и неадекватные поведенческие реакции на фоне экстремального жара и трахеита”.

– Слышь, жених заезжий! – орет Юрка, воинственно вскидывая руки. – Ты тут сейчас ее поматросишь и бросишь! У нее репутация и так не ахти! Мать-одиночка с нагуляшем. Ее в деревне вообще только из-за меня и терпят! Ты хоть подумай, она тебе спасибо скажет? У нее и так репутация под плинтусом! А ты сейчас тут еще ночку переночуешь, – угрожающе качает своей квадратной башкой он, – и я ее замуж не возьму!

– Я возьму! – рывкаю на инстинктах. – И ты еще локти кусать будешь! Да не достанешь! Далеко уедем!

И тут сзади раздается:

– Ура! Мама с гостем поженятся! – я совершенно упустил из виду мою принцесску.

Ой, простите, королеву!

А она, довольная и совершенно счастливая, словно подарок получила, скачет тут на одной ножке и нараспев кричит:

– Мама с гостем поженятся! Мама с гостем...

И ровно в эту же секунду распахивается вечно не закрытая входная дверь.

.

Катя

– Юра...

Замираю, увидев своего совершенно обалдевшего водителя.

Лицо его искривлено, взгляд яростный, кулаки сжаты.

– Юр, там вызов на Кущевку, – начинаю я.

Собственно, я и бежала сюда только для того, чтобы машину найти. Мне тетя Лида, мать Юркина, сказала, что он ко мне пошел...

– К ребенку вызвали, а машины... – объясняю я.

И вдруг:

– Да пошла ты! – орет на меня со всей дури мой водитель.

– Слышь, за базаром следи! – рывкает на него Женька.

– Ты!.. – плюется слюной Юрка. – Да ты!.. – он смотрит уже на меня и...

Просто вылетает в открытую дверь...

– Это что было? – ошарашенно спрашиваю я. – Что тут вообще происходит?

У Женьки вид какой-то странный.

Он одновременно разъяренный и смущенный. Желваки на скулах играют, но горящий взгляд отводит, словно прячется.

А Лялька...

Лялька счастливо скачет вокруг него, распевая:

– Мама! – кричит она мне. – Вы с нашим гостем поженитесь!

И тут Женька жмурится, как от боли, и тихо мне шепчет:

– Прости, Кать...

.

Глава 10

Катя

– Стоп! – обрывает она меня. – А ну-ка с этого места поподробнее? – ее глаза вспыхивают не совсем понятным мне огнем, щеки алеют, наверное, потому что она с мороза. – Кто это с кем поженится?

– Дядя Юра сказал, – с елеинной улыбкой ластится внизу Лялька, – что тебя замуж никто не возьмет, потому что ты гуляющая, – в этот момент Женька жмурится, опускает лицо, словно его под дых ударили. – А мой рыцарь сказал, что он возьмет! – звучит Лялька безумно довольной. – Вот, мам, вы поженитесь! Ты будешь рыцарихой, а я...

– Ляля, к себе! – резко обрываю дочь, чувствуя, что краска отливает с моего лица.

– Ма-ам, – обиженно тянет дочь.

– Быстро, я сказала!

Но Лялька стоит как вкопанная, губки надула, с ресничек, того и гляди, слезки закапают. И тут...

– Ляль, иди, малышка, – аккуратно подталкивает ее в коридор Женька.

И...

Слушается!

Елки ж палки!

Кто он ей? Почему она его слушается?

– То есть так, да? – шиплю, едва дождавшись, пока Лялька скроется. – Рыцарь ты у нас, местного разлива!

– Кать, не заводись! – отмахивается он.

– Да нет уж, дай позаводиться! – ору, потеряв над эмоциями контроль. – Когда еще такой шанс представится! Ты ж у нас сейчас соберешься, как обычно, и смоешься! До тебя ж в твоих Лондонах не достучишься! А тут вот хоть рядом, хоть все выскажу!

– Кать, он такую чушь нес! – Женька возмущенным взмахом указывает на дверь. – Честно, жутко хотелось ему фейс начистить! Он же себя благодетелем считает! Сам себя тебе в женихи записал, и сам же и пыжится от гордости!

– А тебя это не касается! – ору, забыв уже обо всем на свете. – А, может, он действительно благодетель? А мне, может, действительно репутацию спасти надо! Ты откуда знаешь? Ты собрался и уехал! А я тут осталась! Все разгребать! Что ты о моей жизни знаешь? Ты же просто трус! Голову в песок!

– Я? – офигевает Женька, не видя логики в моих рассуждениях.

Но я-то вижу! Я-то прекрасно знаю, о чем говорю... Выкрикиваю все наболевшее.

– Я – голову в песок? – хрипит больным горлом Женька, хотя тоже пытается орать.

– Ты! Именно ты! Мне, может, действительно замуж надо! А ты!..

– Ну раз надо, выходи! – выпаливает он. – Какого черта? Выходи! – делает круг по кухне, вцепившись себе в волосы.

– Да за кого ж выходить, когда ты тут?

– Так за меня, – вдруг замирает он. – Тебе ж все равно? – произносит он так, словно сам себе не верит. – За меня выходи.

Евгений

К Генриху идти совершенно точно надо. Он талантливый психиатр-теоретик. А я подкину ему немного практики. Может, хоть это светило в мире мозгоправов разберется, что я творю?

Стою посреди ее кухни словно ошарашенный, словно потоком ледяной воды оглушенный.

– За меня выходи, – смотрю ей в глаза, а внутри совершенно нелогичное ощущение, что я впервые за шесть лет делаю что-то правильное.

Что-то на самом деле нужное, важное и... настоящее.

Ведь все, что со мной за эти годы происходило, мне казалось игрой, сном, кошмаром, от которого я вот-вот проснусь, поднимусь с постели, уйду темным зимним утром на пары, а там Катька! Прильнет ко мне на парте, носом в плечо уткнется, и весь мир расцветет! Не от солнца, а от нее... От ее тепла, от ее аромата, от легкого прикосновения ее волос...

Но все эти шесть лет рассвет не наступал. Не было его! Сплошной английский смог... Словно спал, словно в пелене тумана, и вот...

– Если тебе все равно за кого, то за меня выходи, – повторяю почти спокойно и отчетливо понимаю, что от своих слов не откажусь.

Не смогу. Не захочу. Потому что ровно в этот момент я ясно вижу солнце. Дурацкий свет в конце туннеля. И плевать, от кого Лялька, и плевать, что с ней было эти шесть лет. Не могу я без нее. Только рядом с ней могу дышать и жить. А без нее не могу. Не хочу...

– Луконин, у тебя от температуры мозга поплавились, – шепчет она мне.

Нет, не жаростно. Скорее, растерянно.

Глаза раскрыла на пол-лица. Не верит. Не понимает. Не чувствует.

– А что, полоумный муж не спасет твою репутацию? – хмыкаю, стараясь скрыть за иронией боль и отчаяние.

– Жень, давай... – ее голос срывается, она резко жмурится.

Слезы. Пытается удержать слезы.

– Там мужики вроде как дорогу расчистили, – начинает снова она. – Мне кажется, вполне можно вызвать такси.

И у меня внутри все обрывается.

Вчера я об этом такси мечтал.

Сегодня утром я на него надеялся.

Ровно час назад я был бы рад, что это возможно.

А вот сейчас лишь лед и боль внутри.

Не хочет.

Значит, все, что мне показывала Танька – правда. Значит, все, что мне рассказывали родители, было. Она меня не любит. И никогда не любила. А я просто идиот...

– Давай попробуем, – спокойно киваю я, хотя готов орать и крушить все вокруг, как ее Юрка. – Помоги с телефоном, – ухмыляюсь, развожу руками, – у меня нет.

Катька берется за смартфон, что-то упорно нажимает, хмурится, беззвучно ругается.

Не выйдет? У меня будет еще один день? Еще один шанс?

Ну скажи, что нет! Не едут!

– Машина будет через сорок минут, – облегченно выдыхает она.

– Отлично, – киваю как можно спокойнее, – соберу вещи.

Катя отворачивается, обхватывает себя руками и с очень сосредоточенным видом созерцает пейзаж, открывающийся из ее окна: сильно заснеженный двор, кусок забора, дорога...

А я подбираю разбросанные по батареям и спинкам стульев свои футболки, носки, толстовку...

Черт... Переодеться бы. В этом я сутки на диване валялся и потел...

Отступаю из кухни в комнату, стягиваю через голову футболку. И вдруг...

– Ты уедешь? – слышу тихое из коридора.

Ляля. Девочка нежная. Оленька...

– Уеду, Ляль, – присаживаюсь на корточки. – Так будет лучше...

Она резко подбегает ко мне, обхватывает за шею, прижимается!

– Оля, – обнимаю девочку, глажу по волосам, старательно проглатываю комок, вставший в горле.

А Лялька сопит носом мне в ключицу...

– Ух ты! – вдруг неожиданно весело произносит малышка и тычет пальцем мне в грудь.

– А у меня есть такая же родинка!

И Лялька отодвигает ворот своего халатика...

.

Глава 11

Евгений

Стоп!

Нет!

Невозможно!

Еще раз...

Сердечко...

Смешное родимое пятнышко, чуть раздвоенное наверху. При наличии достаточно богатой фантазии его можно принять за сердечко. Такое есть у меня, такое есть у Таньки, такое же у отца... И у деда...

Ляля...

Чувствую, что руки дрожат, что спина покрылась испариной...

И моя болезнь тут совершенно ни при чем. Не в температуре дело.

– Оль, – спрашиваю хриплым голосом, – а когда у тебя день рождения? Точно... Знаешь?

– Знаю! – гордо отзывается Лялька. – Я родилась в день влюбленных! Мама говорит, это потому что она очень сильно любила моего папу!

И вот это просто контрольный выстрел...

Сижу, считаю на пальцах...

Февраль, январь, декабрь....

Май... она должна была забеременеть в мае... А в мае я был тут... До июня сессию сдавали.

Потом родители мне выбили этот грант, и я уехал, а потом... Потом Танька начала слать фотки и видео якобы загулов Катерины...

Но, как ни крути, это был август! Август, мать его так! У нее на тот момент уже три месяца беременности было.

Внутри все сжимается, скручивается, со звоном обрывается и летит в тартарары!

И Юрка! Это бычара назвал Ляльку... Как? Нагуляшем? То есть Катя в деревне появилась уже с ребенком?

Рывком поднимаюсь, подхватываю Ляльку на руки.

– Катя! – выхожу в кухню.

Рыдает. Вся в слезах.

Да к черту!

– Луконин, ты б оделся! – произносит, скривившись.

– А то что? Ослепнешь? Или не видела ни разу? – меня рвет на части от злости.

На нее, на себя, на Таньку, на весь мир...

– Ребенок тут, – возмущенно взмахивает рукой она.

– Чей ребенок? – спрашиваю прямо.

– Что значит “чей”? – хмурится. – Мой! – выкрикивает мне в лицо.

– Отец кто? – мне все сложнее держать себя в руках.

– Какая разница? – всплескивает руками. – Одевайся иди! Такси сейчас приедет.

– Отменяй, – скриплю зубами.

– Что? – ахает, нахмурившись.

– Такси отменяй!

Ставлю Ляльку перед собой на пол и аккуратно отодвигаю ее халат...

– Пятнышко, мам! – совершенно невинно комментирует Ляля.

Поднимает взгляд, смотрит на мое родимое пятно.

– Пятнышко, как сердечко! – Ляля с гордостью трогает свою родинку, потом мою и про-
износит довольно, так, как, видимо, всегда говорила ей мать. – Потому что я плод любви!

Катя бледнеет, медленно оседает на стул.

– О боже! – выдыхает она и закрывает лицо руками.

Все...

Других доказательств мне не нужно.

Притягиваю к себе стоящую совсем рядом Ляльку.

Дочь.

Моя дочь!

И ни от кого Катька ее не нагуляла!

Больно жутко! Оглушающе, невыносимо, но...

Но в то же время мир взрывается вокруг яркими красками!

Это то самое “проснулся!” Шесть лет спал и проснулся!

Дочь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.